

## SOME TYPOLOGICAL PECULIARITIES OF THE WORD IN THE STRUCTURE OF THE UZBEK LANGUAGE

Alimova M.Kh. (Republic of Uzbekistan) Email: Alimova442@scientifictext.ru

*Alimova Mukharam Khayatovna – PhD in Linguistics, Associate Professor,  
DEPARTMENT OF THE ENGLISH THEORY AND METHODS OF TEACHING,  
TASHKENT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER NIZAMI, TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

**Abstract:** *the author of this article analyses typological peculiarities of the word in the structure of the Uzbek language and comes to the conclusion that polysemantic and binominal characters of affixal morphemes of synthetic-inflected languages, such as Russian, are peculiar to the affixal morphemes of the Uzbek language. Besides, the dependence of the stems and lack of coincidence between the root and the stem, fusion (which happens while adding the affixal morpheme to the root morpheme or the stem, for ex., *cudu – cuzju*), which are also the typological character of the synthetic-inflected languages are peculiar to the word of the Uzbek language. Non-typical cases of derivative affixal morphemes also occur in the word-formation of the Uzbek language.*

*Taking into consideration all these typological peculiarities the author of this article concludes that synthetic characteristics of the word in the synthetic-inflected languages are also peculiar to the structure of the word in the Uzbek language.*

**Keywords:** *synthetic, analytic, inflected languages, agglutinated languages, root morphemes, affixal morphemes, binominal character, polysemantic character, fusion, relative morphemes, derivative morphemes, flexion, zero morphemes.*

## НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА В СТРУКТУРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Алимова М.Х. (Республика Узбекистан)

*Алимова Мухарам Хаятовна – кандидат филологических наук, доцент,  
кафедра теории английского языка и методики преподавания,  
Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация:** *автор данной статьи рассматривает типологические особенности слова в структуре узбекского языка и приходит к выводу, что полисемантический и биномный характер аффиксальных морфем в синтетико-флективных языках, в таких как напр., в русском языке, свойственен аффиксальным морфемам узбекского языка. Кроме этого несамостоятельность основ, несовпадение корня и основы, фузия на стыках корневых и аффиксальных морфем (напр., *сиди-сижу*), которые свойственны синтетико-флективным языкам, также часто наблюдаются в структуре слова узбекского языка.*

*Принимая во внимание все эти типологические особенности, автор данной статьи подтверждает, что синтетические особенности структуры слова во флективных языках также свойственны структуре слова узбекского языка.*

**Ключевые слова:** *синтетичный, аналитичный, флективные языки, агглютинативные языки, корневые морфемы, аффиксальные морфемы, биномный характер, многозначный, фузия, реляционные аффиксы, деривационные аффиксы, флексия, нулевые морфемы.*

Определение типологической структуры языка, как известно, связано со **степенью** (Э. Сепир) его аналитичности и синтетичности. Слово «синтез» греческого происхождения переводится как соединение, а словосочетание «синтетические языки» - класс языков, в которых грамматические значения выражаются в пределах слова с помощью аффиксов или внутренней флексией [9, с. 120]. Сторонник концепции аналитичности агглютинативных языков Е.Д. Поливанов [6, с. 82], различая синтетичность от аналитичности говорит следующее: «... в синтетических языках, в виде доминирующей нормы изменяемое слово должно состоять из двух частей – основы и суффикса... встречающиеся же в русском языке случаи слов с нулевым суффиксом, например, именительный падеж, единственное число, мужской род: **сын, брат, стол, конь, чай** или родительный падеж, множественное число, женский род существительных: (нет) **ног, рук, рек, нужд** и т.д. должны рассматриваться как окказиональные исключения из этой нормы..., но, во всяком случае, наличие этих исключений делает русский язык в известной степени менее типичным представителем синтетических языков или флективных языков» [6, с. 51]. Однако присутствие нулевых морфем является одной из специфических особенностей флективного языка, кроме этого оно доказывает правомерность теории формы слова Ф.Ф. Фортунатова о делимости слова на основу и формальную принадлежности [11, с. 219- 220], и что «слово – это - то, что

грамматически оформлено» [5, с. 131-132]. Разделяя данную точку зрения, Смирницкий А.И. [8, с. 17] говорил, что отсутствие какой-либо формы у слова совсем не означает, что данное слово является грамматически неоформленным. Грамматически оформленным является каждое слово, хотя не всякое слово выступает в какой-то определенно грамматической форме. Прежде всего, сама грамматическая неизменяемость слова (например: **там, вчера, здесь**) определённым образом и притом именно грамматически, характеризует и определяет его в отличие от слов грамматически изменяемых (например: **дом-дома-дому**). Можно сказать, что грамматическая неизменяемость слова ставит его всё же в определенное отношение ко всей системе грамматического изменения слов в данном языке. Как мы увидели выше, аналогичный характер имеют нулевые морфемы в структуре узбекского языка. Здесь целесообразно вспомнить слова П.С. Кузнецова о том, что «агглютинативные языки, характеризующиеся большим количеством падежей, как будто есть основание назвать ещё синтетическим...» [3, с. 22].

Рассмотрев характер синтетических морфем можно прийти к выводу, что служебные морфемы, формально выраженные или нулевые, в структуре слова узбекского языка являются синтетическими, как «при синтетическом строе грамматическое значение синтезируется в слове, соединяется с лексическим значением в пределах слова» [12, с. 28]. Суть рассмотрения служебных морфем в структуре узбекского слова как синтетические подтверждается анализирующими ниже аргументами:

1. Толкование аффиксальных морфем агглютинативного узбекского языка как особого свойства моносемичных, и якобы полисемантических присуща только лишь аффиксальным морфемам флективных языков становится необоснованным при признании присутствия нулевых морфем в составе узбекского слова: **уй-уйлар, китоб-китобни, мактаб-мактабга**. Кроме этого, выделение определенной служебной морфемы, опираясь на принципе парного соотношения формы и значения именно в рядах оппозиции проявляет **многозначность тюркских форм**, что и является специфической особенностью синтетического строя. Например, перевод корня **бола-** посредством целого русского слова «ребёнок», «дитё», в смысловом отношении хотя и правильный, но строго говоря, соответствует значению не корня **бола-**, а слова **бола**: имени существительного, единственного числа, именительного падежа. Корень **бола-**, внешне совпадающий со словом **бола** в отличие от последнего, лишен таких грамматических значений, как число, падеж и т.п., свойственных только целому слову любого языка, в том числе и агглютинативного, если конечно, в нем выделяется корневая морфема, противостоящая аффиксальным морфемам. Таким образом, морфологический состав слова **болалигимга** расчленяется в следующем: от слова **бола** «ребёнок», «дитё» путем прибавления к его корню **бола-** деривационной морфемы **-лик** образована **болалик-** «детство», посредством прикрепления реляционного аффикса **-им-** образована форма принадлежности 1-го лица, единственного числа, именительного падежа имени существительного: **«болалигим-»** - «моё детство», где при прикреплении аффикса **-им** происходит чередование **к<г**, и наконец путем прикрепления другого реляционного аффикса дательного падежа **-га** образована словоформа **болалигимга** «моему детству» - производное существительное дательного падежа. Анализ структуры узбекского слова показал, что полисеманτικότητα свойственна не только аффиксальным морфемам синтетических флективных языков, но и служебным морфемам слова узбекского языка.

2. Сторонники концепции «аналитичности агглютинативных языков» разграничивая синтетические формы от аналитических придерживаются мнения о том, что в агглютинативных языках слова – это «цепочки» морфем – аффиксов, прикрепляемых к корню; деление такого слова на производящую основу и формообразующий элемент невозможно, якобы слово лишено здесь в отличие от слова флективных языков признака двучленности, или бинарности (биномности). Анализ примеров показывает, что **признак биномности** в структуре узбекского слова проявляется, например, в словоформе **«кераклигини»** в предложении «... катта йиғин бўлиши **кераклигини** англади» (С. Ахмад), выделяются основа **керак-** «нужно», форма **-лик**, являющаяся не деривационной морфемой, как в словах **болалик** - «детство», **ёшлик** - «молодость», а формообразующим элементом, и две реляционные морфемы: **-и-** аффикс принадлежности, **-ни** – аффикс падежа. Перед прикреплением морфемы **-и-** происходит чередование **к<г**: **керак-лик/керак-лиг-и-ни**. Прикрепление формообразующего элемента **-лик**, к производящей основе **керак-** формирует вторичную основу **кераклик-** для принятия последующих служебных морфем. В результате, от модального слова **керак** «нужно» образована интересующая нас субстантивная форма **кераклигини** «необходимость». Без формообразующего элемента **-лик**, утратившего в данном случае своего деривационного значения, нельзя прикреплять к производящей основе **керак-** каких либо служебных морфем.

Как видно из анализа структуры слова **кераклигини** биномный характер слова узбекского языка не вызывает никаких сомнений [10, с. 60] и подобных примеров можно приводить много.

3. Ещё один из специфических особенностей синтетических языков – опрощение так же характерно узбекскому языку. Рассматривая структуру слова «злостьность» А.А. Реформатский говорит о том, что «благодаря» опрощению... при фузии аффиксы... «затухают», «стираются», вследствие чего они могут повторяться в составе того же слова [7, с. 213]. В рассматриваемом А.А. Реформатским слове

«злостность» суффикс существительного **-ость**, в предыдущие как бы стерлись. Таким образом, основой слова **злостность** является **злостность-**, а основой **злост-**, **злост-**. Аналогичное «затухание», «стирание» происходит и в структуре узбекского языка, так, в слове **уйдагиларда** «у домочадцев» форма местного падежа **-да** повторяется два раза, в первом случае эта форма утратила свое падежное значение и объединилась со словообразующим аффиксом **-ги**, например, в словах **кузги**(бугдой), **ёзги**(мева), **эрталабки**(нонушта) в один «сложный аффикс» [7, с. 157], «единый аффикс» [2, с. 127], производящий признак места предмета. Таким образом, основой слова **уйдагиларда** является **уйдаги-**, а основой слова **уйдаги** является **уй-**. Как видно, аффикс **-ги** производит атрибутивные формы **кузги**, **ёзги**, **эрталабки**. А в интересующей нас форме **уйдагиларда** аналогичную функцию выполняет **соединение** падежного аффикса **-да** и деривационного **-ги**, второй (конечный) **-да** в этом же примере является реально значащим, живым аффиксом местного падежа, где первый **-да** является примером для опрошения. По этому поводу О.П. Суник говорит, что «затухание» или «угасание» одного аффикса и повторение в слове такого же или сходного аффикса, живого «играющего», - одно из характерных черт морфологии исторической, многочисленных агглютинативных языков. Ср.: казахский **кайсы** (**кай-сы**) «который» и **кайсысы** (**кай-сы-сы**) «который из них» [10, с. 61].

4. Нельзя также отрицать **несамостоятельность основ** и **неотличимость корня от основы** в структуре узбекского языка, якобы такая характерная черта является специфической особенностью только лишь синтетически флективных языков. Биномный характер словоформы **кераклигини**, как мы увидели выше, показал, что производящая основа **кераклик-** в языке самостоятельно существовать не может. Кроме того, можно привести другие примеры, где явно демонстрируется во-первых, **несовпадение корня и основы**, и во-вторых, **несамостоятельность последнего**. В словах **шунга**, **бунга** «в этом», **шундан**, **бундан**, «из этого» выделяются корни **шу-**, **бу-**, и основы **шун-**, **бун-**, которые самостоятельно существовать не могут.

5. Наблюдается фузия на стыках корневых и аффиксальных морфем, что также является особенностью синтетических форм, например, существительное **ўғил** «сын», от него **ўғлим** «мой сын», так в слове «мой сын» **ўғлим** при прикреплении притяжательной формы **-им** происходит чередование корневых фонем **ил-л**. Можно привести другие примеры, **оёқ-оёғим: к<г; юрак-юрагим: к<г; сарик-саргай: иқ<г**, где происходит чередование при прикреплении реляционных и деривационных морфем к корням.

6. Хотя редко, но встречаются случаи нестандартности аффиксальных морфем: **туртки**, **сурги**, **чопки**, **чолгу**, **урғу**. В приведённых примерах при прикреплении нестандартных деривационных морфем образованы имена существительные (предметы от глагольных основ **турт-**, **сур-**, **чоп-**, **ур-**). Нестандартность аффиксальных морфем в узбекском языке не наблюдается при словоизменении. При этом исключением является сингармонизм, например в формах глаголов **ўт-қиз-моқ**, **мин-дир-моқ**, **кўр-сат-моқ**, **ич-ир-моқ**, **қир-гиз-моқ** и т.д. Здесь аффиксы с каузативным значением **-қиз**, **-дир**, **-сат**, **-гиз** являются алломорфами одной и той же морфемы.

7. При словообразовании посредством присоединения деривационных морфем к корневым очень часто встречается чередование корневого гласного, например, **онгли** «сознательный», **англа** «сознай», здесь происходит чередование **о<а+af**, **ёш** «молодой», **яша** «живи»: **ё<я+af**. Чередование **о<а+af** в словах узбекского языка внешне отождествляется чередованию в английских словоформах **child-children; ai<i+af** «ребёнок- дети». Различие заключается в функции. В узбекском языке такое чередование служит только лишь словообразованию, а в английском и русском – как словообразованию (**deep-depth; i<e+af** «глубокий- глубина»), так и словоизменению (**mean – meant: i<e+af** «иметь в виду– имел в виду»). Кроме этого, в структуре узбекского слова наблюдается чередование корневого гласного без последующей аффиксации: **қия – қоя: и<о, тиз–тез: и<е, суз-сўз: у<ў** и т.д. Это чередование корневого гласного также служит словообразованию, что нельзя назвать его флексией, как, например, в английских словоформах **man-men: æ<е** «человек-люди», **foot-feet: u<i**: «нога-ноги», где грамматическое значение множественности выражается путем изменения корневого гласного (т.е. флексией).

Таким образом, анализ примеров ещё раз подтверждает синтетичный характер структуры узбекского слова, так как в агглютинативном узбекском языке, как и во флективном русском, грамматически оформленное слово может состоять из корня, основообразующего элемента (если потребуется), также деривационных и реляционных морфем; кроме того, в структуре слова наблюдаются: 1) как аффиксальные, так и нулевые морфемы, многозначность которых проявляется при бинарном соотношении формы и значения; 2) опрошение; 3) непостоянное совпадение корня и основы как в русском языке (например: стол–стола, окно–окна и т.д.); 4) непостоянная стандартность аффиксальных морфем.

1. *Азизов О. ва б. Ўзбек ва рус тилларининг қиёсий грамматикаси.* Т., 1986. 256 б.
2. *Баскаков Н.А.* Соотношение аффиксов в тюркской основе. В кн. Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.
3. *Кузнецов П.С.* Морфологическая классификация языков. М., 1954.
4. *Нигматов Х.Г.* Қайта қуриш стратегияси ва ўзбек синхроник тилшунослигининг вазифалари. Ўзбек тили ва адабиёти. 1987. 3-сон.
5. *Панов М.В.* О слове как единице языка. Стр. 129-164. Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. М., 1956. Т. 51. Вып. 5.
6. *Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Т., 1934. 182 с.
7. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1955, 398 с.
8. *Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове. В сб. Вопросы грамматического строя. М., 1955.
9. *Сепир Э.* Язык. М.-Л., 1934. 223 с.
10. *Суник О.П.* Вопросы агглютинативных языков. В кн. Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1960.
11. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языкознание. Из лекций, читанных в МГУ. М., 1889-1900. 88 с.
12. *Широква А.В.* Сопоставительная грамматика русского языка. М., 1983.

#### *Список литературы на английском языке / References in English*

1. *Azizov O. and others.* Comparative grammar of the Uzbek and Russian languages. Tashkent, 1986. 256 p. [in Uzbek].
2. *Baskakov N.A.* Correlation of affixes in the stems of Turkic languages. In the book: Morphological typology and the problems of the classification of languages. Moscow-Leningrad, 1965 [in Russian].
3. *Kuznetsov P.S.* Morphological classification of languages. Moscow, 1954 [in Russian].
4. *Nigmatov Kh.G.* The strategy of reconstruction and the tasks of Uzbek synchronic linguistics. – In the journal: Uzbek language and literature. Tashkent, 1987. № 3 [in Uzbek].
5. *Panov M.V.* About the word as the unit of the language (pp. 129-164). – In the Scientific notes of Moscow pedagogical institute named after V.P.Potyomkin. Moscow, 1956, Vol.51, Issue 5 [in Russian].
6. *Polivanov Y.D.* Russian grammar in comparison with the Uzbek language. Tashkent, 1934, 182 p. [in Russian].
7. *Reformatskiy A.A.* Introduction into linguistics. Moscow, 1955. 398 p. [in Russian].
8. *Smirnitkiy A.I.* Lexical and grammatical characters of the word. In the collection of articles: Problems of grammatical structure. Moscow, 1955[in Russian].
9. *Sepir E.* Language. Moscow–Leningrad, 1934. 223 p. [in Russian].
10. *Sunik O.P.* Problems of agglutinative languages. - In the book Morphological typology and the problem of the classification of languages. Moscow–Leningrad, 1960, [in Russian].
11. *Fortunatov F.F.* Comparative linguistics. In the lectures reported at the Moscow State University. Moscow, 1889-1900. 88 p. [in Russian].
12. *Shirokova A.V.* Comparative grammar of the Russian language. Moscow, 1983 [in Russian].